

Научная статья

УДК 37.01; 94(47)

**ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В РУССКОЙ СЕМЬЕ КОНЦА
X – НАЧАЛА XX ВЕКОВ****Сергей Геннадьевич Лысенков**

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

sergey.lysenkov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются духовно-нравственные традиции русского народа и их воплощение в обычаях, поверьях, обрядах, иных символических формах поведения, связанных с язычеством. Их совмещение с религиозными обрядами и ритуалами после принятия христианства на Руси. Следование сложившимся духовно-нравственным традициям в русской семье, которые касались ключевых событий жизненного цикла человека.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, обычаи, обряды, семья, жизненный цикл человека

Для цитирования: Лысенков С.Г. Воспитательная роль духовно-нравственных традиций в русской семье конца x – начала xx веков // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 33–39. URL: <http://vestnik-academrg.ru/2026/06/004.pdf>.

Original article

**THE EDUCATIONAL ROLE OF SPIRITUAL AND MORAL TRADITIONS IN THE RUSSIAN FAMILY OF THE LATE
X – EARLY XX CENTURIES****Sergey G. Lysenkov**

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

sergey.lysenkov@mail.ru

Abstract. The article examines the spiritual and moral traditions of the Russian people and their embodiment in customs, beliefs, rituals, and other symbolic forms of behavior associated with paganism. Their combination with religious rites and rituals after the adoption of Christianity in Russia. Following the established spiritual and moral traditions in the Russian family, which concerned the key events of a person's life cycle.

Keywords: spiritual and moral values, customs, rituals, family, human life cycle

For citation: Lysenkov S.G. The educational role of spiritual and moral traditions in the russian family of the late x – early xx centuries. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 33–39. (In Russ.). Available from: <http://vestnik-academrg.ru/2026/06/004.pdf>.

© Лысенков С.Г., 2026

Введение

Воспитательная функция духовно-нравственных традиций у русского народа, как, впрочем, и у других народов, проявлялась в межличностных отношениях, а также в разнообразных обычаях, поверьях и обрядах, связанных с циклической повторяемостью основных жизненных событий от рождения человека до его смерти. В этот период «люди, по мере своего развития, выполняют разные роли: ребенка, члена общины, семьи, родителя и др., в связи с чем у них зародилась практика формирования (воспитания) необходимых умений поведения для успешного выполнения своих ролей» [1, с. 230]. Такие события происходили с неотвратимой временной последова-

тельностью, поэтому было нетрудно установить прошлое, воспринять настоящее и предсказать будущее, что, в свою очередь, могло свидетельствовать о стабильном состоянии традиционного общества [2, с. 78]. Духовно-нравственные традиции находили свое отражение в правовых нормах, подчеркивая неделимую связь нравственности и права [3, с. 40].

Основные положения

До принятия христианства в 988 году для наших предков – восточных славян источником духовно-нравственных ценностей были языческие (политеистические) представления о добре и зле, правде и лжи, любви и ненависти, дружбе и вражде и т. п.

Многобожие предопределило тесную связь религиозных верований (анимизма, фетишизма, тотемизма и др.) с силами природы. Неслучайно поэтому в именах высших славянских божеств можно различить их нарицательное значение. Вот некоторые из них: Сварог – бог неба; Дажьбог – бог солнца; Стрибог – бог ветра; Велес – бог стад животных; Перун – бог грома, главный из них.

В народной традиции с тех пор и до настоящего времени сохранилось почитание духов: водяного – духа воды; лешего – духа леса; домового – домашнего духа; русалок, заманивающих к себе людей. На основе духов появились сказочные персонажи Змея Горыныча, Кощея Бессмертного, Бабы Яги, злой старухи из Избушки на курьих ножках и других «героев» русских мифов и сказаний [4, с. 432–433].

Необходимо заметить, что с принятием на Руси православия некоторые языческие обряды были совмещены с церковными праздниками или церковь совместила свои праздники с такими языческими обрядами, как колядование и гадание в святочные дни, Масленица, Радуница, празднование Ивана Купалы; Медовый, Яблочный, Ореховый Спасы и др.

Зарождались и сохранялись духовно-нравственные традиции русского народа в семье – наиболее устойчивой общности людей, поскольку семья объединяла в себе все этапы возобновления поколений и обеспечивала непрерывное воспроизводство жизни.

В данном аспекте необходимо иметь в виду, что в процессе антропогенеза появлялись, сменяя друг друга, различные типы семейных отношений от наиболее древних матриархальных и патриархальных до современных партнерских, гостевых и других типов. Например, Социологический энциклопедический словарь 1998 года содержит названия 24 типов семейной организации, но в нем не дается определения традиционной семьи [5, с. 314–316]. Между тем этот тип семейных отношений, основанных на духовно-нравственных традициях, исторически сформировавшихся в обществе, характерен для большинства населения нашей страны, особенно в обозначенных хронологических рамках.

В традиционных семьях фамилии образовывались, как правило, от имени главы семьи. Однако многие фамилии сохранялись от существовавшего несколько веков крепостного права, когда их давали в зависимости от ремесла, черт характера, а то и сходства с чем-либо. Часто мужиков наделяли различными прозвищами, в том

числе и оскорбительными, за исключением тех, кто пользовался заслуженным уважением у окружающих. Прозвище мужика распространялось на его жену, к девичьей фамилии которой оно прибавлялось со словами «по мужу». В семье супруги называли друг друга по имени.

В начале становления древнерусской государственности у наших предков преобладала архаичная большая семья как отголосок родового строя. Однако к XII веку выделяются малые семьи, в которых с родителями оставались младшие дети, а старшие, создавая свои семьи, жили отдельно.

Русские семьи в абсолютном большинстве были моногамными, что связывается с христианской традицией. Как противопоставление православной семье и ее морали диким языческим нравам комментarii к статьям Устава князя Владимира содержат сведения о том, что у него до принятия христианства и женитьбы на византийской царевне Анне было 5 жен и 800 наложниц, 300 из которых содержались в Вышгороде, 300 – в Белгороде, а 200 – в селе Берестовом [6, с. 152]. Обнародование подобных сведений, невзирая на их сомнительную достоверность, было обычным приемом в творчестве древнерусских летописцев. Дело в том, что литературные памятники Древней Руси, по мнению Романова Б. А., не упоминают о полигамии у подавляющего большинства населения, хотя Лаврентьевская летопись все же сообщает о многоженстве в некоторых зажиточных семьях у радимичей и вятичей [7, с. 200].

В Московской Руси с закрепощением крестьян [8, с. 240] родственники стремились объединиться в крупные семьи для совместной обработки земли и смягчения крепостного гнета, но с отменой крепостного права в 1861 году в России вновь стали преобладать малые семьи [9, с. 49].

В малых семьях главой был муж и отец, которому безоговорочно подчинялись все домочадцы. В больших семьях, по свидетельству Лещенко В. Ю., исследовавшего семейные отношения на землях к северу от Москвы, глава семьи имел статус «большака» [2, с. 40]. Члены семьи называли его хозяином, а друг друга – по имени. Большак обладал широкими правами от организации труда и ведения торговли до вершения суда в пределах семьи и возложения на себя всей полноты ответственности перед властью.

Статус большака наследовался старшим в семье, но им могли наделяться и другие лица мужского пола, в том числе и

холостяки, едва достигшие 25-летнего, а иногда и 18-летнего возраста. Избранный большак заменял собой отца (при отсутствии такового), поэтому с согласия семьи ему принадлежали все родительские права.

Женщина (как правило, вдова) также могла стать главой семьи – большухой, если сын не достиг установленного возраста, который, например, на Вологодчине составлял 18 лет. На ней в полном объеме лежало домашнее хозяйство и распоряжение женщинами. Однако большуха не могла принимать участие в управлении общими делами, поскольку этим занимались исключительно мужчины, достигшие совершеннолетия [2, с. 41].

Морально-нравственная оценка взаимоотношений мужа и жены, их роли в семейных делах представлена в пословицах, собранных Далем В. И., среди которых: «Без мужа, что без головы, без жены, что без ума»; «Муж жену береги как трубу в бане»; «Женский ум лучше всяких дум»; «На что корова, была бы жена здорова»; «С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне» [10, с. 267, 331, 465, 467, 554].

Однако не следует идеализировать межличностные отношения супругов в русской семье. Достаточно, например, вспомнить Домострой, составленный около 1547 года духовником и сподвижником Ивана IV Сильвестром. Этот свод семейно-бытовых правил предписывал воспитывать жену методом наказания на том основании, что, если муж не «учит» свою жену, сам будет погублен и погубит свой дом, причем орудием наказания служила плеть, незамысловато названная «дураком» [11, с. 69]. Между прочим, Даль В. И. в связи с этим приводит также пословицы: «От нашего ребра нам не ждаты добра»; «Жену не бить – в милу не быть»; «Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее»; «Кобыла – не лошадь, баба – не человек» [10, с. 440]. Следовательно, и такая, не очень привлекательная традиция, существовала в русской семье.

Нравственная традиция, нашедшая широкое распространение у русского народа, большое значение придавала не только кровному, но и духовному родству, а также свойству, которые наступали вследствие вступления в брак, рождения и крещения ребенка. Следованию данной традиции было направлено воспитание подрастающего поколения, а по сути дела, всех членов семьи.

Кровное родство могло быть в виде прямой восходящей линии от конкретного лица к его предкам – отцу, деду, прадеду и т.

д. Такая же, но нисходящая, линия шла к его потомкам – сыну, внуку, правнуку и т. д. При этом сыновья, рожденные от одного отца, находились в отношении друг друга по родству боковой линии.

Отношения свойства, которые олицетворяли сближение двух родов в результате вступления в брак их членов, в русских семьях приравнивались к кровнородственным на основании представления о муже и жене как имеющих одну плоть. Поэтому семьи, вступившие в свойство, представлялись как две боковые линии в кровном родстве, то есть родственники жены становились родственниками мужа в одинаковых отношениях, но не по кровному родству, а по свойству.

Каждая степень родства и свойства была персонифицирована: зять, тесть, теща, сноха (невестка, от невесты, т. е. неизвестной), свекр, свекровь, деверь, шурин, золовка, свояк, свояченица, сват, сватья, отчим, мачеха, пасынок, падчерица. При этом в разных местностях запрещались браки между родственниками в третьей, четвертой, пятой и даже в шестой степени родства и свойства [12, с. 80].

Духовное родство наступало во время обряда крещения, когда крестный принимал из купели крестимого. В духовном родстве восприемник полагался воспринятому в первой степени родства, как отец, к родителям воспринятого – во второй степени, как брат, а к братьям и сестрам воспринятого – в третьей степени, как дядя. Лица, находившиеся в духовном родстве, называли друг друга кумом и кумой.

Церковь вводила ограничения на бракосочетание в большинстве степеней духовного родства, поскольку кумовство почиталось не меньше кровного родства. Но все же нарушение духовного родства и свойства считалось меньшим грехом, чем нарушение кровного родства.

Касаясь семейно-брачных отношений в российском обществе, особенно в XVIII – первой половине XIX века, следует отметить, что рекрутский способ комплектования армии, существовавший в тот период, а также необходимость отхожих промыслов для сельских жителей, связанных с длительным отсутствием в молодых семьях мужей, породили уродливое явление – снохачество. Данный термин происходит от слова «сноха» (первоначально – сыноха, от слова «сын») и обозначает половую связь по принуждению главы семьи с женами его сыновей, поскольку те не могли противостоять безоговорочной, практически безграничной, власти свекра. Снохачество у русских людей не считалось какой-либо

традицией и всегда получало общественное осуждение, но когда дело доходило до привлечения насильника к ответственности, то волостные суды весьма неохотно принимали подобные дела к своему производству.

Как уже отмечалось во введении, неотвратимая цикличность основных жизненных событий предопределила в традиционной русской семье обрядность, связанную с началом жизни – рождением ребенка, с серединой – свадебными торжествами и с концом жизни – похоронами умершего.

Вполне понятно, что рождению ребенка предшествовал период беременности его будущей матери. Еще в дохристианское время у наших предков были распространены поверья, связанные с ограничениями и предписаниями в этот период. Прежде всего, женщину, ждущую рождение ребенка, старались оградить от тяжелой работы. Кроме того, Даль В. И. отмечает распространенное поверье, согласно которому беременные должны опасаться шить одежду для новорожденного, иначе тот не будет жить [13, с. 92–93].

Иного мнения придерживается Попов Г. И., исследовавший русскую народную медицину. Он отмечает, что в малообеспеченных и бедных семьях (а таких было большинство), в которых беременная могла быть единственным работником, она часто занималась работой, в том числе и тяжелой, вплоть до наступления родовых схваток, а порой и рожала на работе. К этому необходимо добавить, что в русских семьях прижилось суеверие скрывать беременность до последней возможности чтобы избежать сглаза, порчи, оговора. Такая скрытность приводила к тому, что даже муж длительное время не знал о беременности жены, а домочадцы продолжали возлагать на нее повседневные работы [14, с. 332–333].

Распространенным обычаем была изоляция женщины во время родов. Обряд требовал удаления роженицы из дома и помещения ее в нежилую постройку, чаще всего, в баню. После родов она с ребенком отправлялась из бани к своей матери и жила у нее до шести недель. Только после истечения этого срока она могла вернуться в дом своего мужа. Иногда для родов выбирали какое-либо укромное место на дворе (сарай, амбар, хлев, конюшня и т. п.), казавшееся недостижимым для постороннего глаза. Во многих местностях соблюдался обычай родить, особенно первенца, в доме матери, а в некоторых селах роды проходили в своей избе, но с

соблюдением правил, не допускавших посторонних глаз [14, с. 334–335].

Обряды во время родов в зависимости от климатических и иных особенностей местности были разнообразными, но при этом обязательным являлось присутствие повивальной бабки – повитухи (в некоторых местах ее называли «бабка-пупорезка»). Повивальной бабкой являлась старая деревенская женщина, переставшая рожать и по мнению односельчан лучше других умевшая обращаться с роженицами. Бездетная женщина считалась плохой повитухой, а девица, даже в престарелом возрасте не могла быть таковой вообще. Избегали бабок, в прошлом замеченных в неверности мужу, имевших скверный характер и черные глаза. Считалось, что при таких повитухах будут трудные роды [15, с. 342].

Что же касается присутствия при родах мужа, то во многих местностях этого не одобряли, а в других, если и допускали, то обязывали его выполнять все указания повитухи [14, с. 342–343]. Большое значение участию мужа при родах жены придавали, например, в Олонецкой губернии. Прежде всего муж должен был снять с правой ноги сапог и напоить из него жену. От мужа также требовали развязать пояс и прижимать коленом спину жены, так как, по поверью, это ускоряло роды. В доме вообще не должно было оставаться ни одного не развязанного узла, а у роженицы полагалось расплетать косы [15].

Воспитание детей, приобщение их к духовно-нравственным ценностям, следованию семейным традициям начиналось с раннего детства. Грудных детей носили в церковь для причащения, с трех лет учили молиться, с пяти лет они вместе со взрослыми регулярно посещали богослужения. С первых лет жизни их учили почитать старших родственников и заботиться о младших. Детям внушали различные поверья о том, как обращаться с духами. С пятилетнего возраста их приучали к работе, а к десяти годам дети, подражая взрослым, вместе с ними выполняли многие домашние и полевые работы. Пятнадцатилетнего подростка считали взрослым работником. Он же допускался на собрания молодежи, беседы, вечеринки, игрища [2, с. 302–303].

На молодежных сходках юноши и девушки, достигшие 15 лет (а более молодых туда не допускали), знакомились. Если в их отношениях проявлялась симпатия, завязывалась «лада». В этой связи необходимо обратить внимание на возраст, являвшийся непременным условием совершения брака для достижения не только его прагмати-

ческой, детородной цели, но и моральной, предполагавшей ясное сознание и свободу воли при решении вопроса о создании семьи.

Византийские источники, которым должны были следовать православные, колебались в определении брачного возраста. Прохирон, например, назначал для мужчин 14, для женщин 12 лет, а Эклога – 15 и 13 лет. На Руси же браки совершали в более юном возрасте: мальчиков женили в 11 лет, девочек выдавали замуж в 10 лет. Позже Стоглав установил свои сроки: для мужчин 15 лет, для женщин 12 лет. Указ Петра I о единонаследии 1714 года определял брачный возраст для жениха в 20 лет, для невесты – в 17 лет, а с 1774 года вновь вернулись к ранним бракам: юношей в 15 лет, девушек – в 13 лет. Наконец, в 1830 году брачный возраст для мужчины был установлен в 18 лет, для женщины – в 16 лет [16, с. 409–410].

Духовно-нравственная традиция русской семьи, касавшаяся бракосочетания, видоизменялась в зависимости от особенностей, проявлявшихся в общественном сознании определенного исторического периода. Однако во все времена свадебный обряд традиционно состоял из сватовства, венчания и собственно свадьбы.

Сватовство заключалось в посещении сватами, которыми выступали родители или старшие родственники жениха, дома невесты. Если родители невесты были согласны с предложением сватов, то за этим следовало посещение дома жениха, которое заканчивалось обильным застольем. Данный обряд в некоторых местностях называли рукобильем. Ефименко А. Я. отмечает, что сватовство преследовало цель смотрин невесты и жениха, осмотра мест их проживания, установления условий вступления в брак, а также скрепления соответствующего договора [17, с. 12].

Венчание придавало браку статус религиозного, то есть законного брака. Дети, появившиеся на свет только в таком браке, признавались законнорожденными. В петровское время за шесть недель до венчания следовало обручение, расторжение которого было возможно только в случае, если жених впервые увидел невесту, и та «есть безобразна, скорбна, не здрава» [16, с. 409]. В дальнейшем обручение было совмещено с обрядом венчания. Повенчанные, согласно обычаю, считались не мужем и женой, а продолжали оставаться женихом и невестой. До свадьбы им запрещалось вступать в супружеские отношения [18, с. 12; 17, с. 13].

Свадебные торжества в различных местностях также имели свои особенности. Например, в центральной части России накануне свадьбы у жениха и невесты устраивались вечеринки с приглашением священнослужителей, друзей, подруг, знакомых. В день свадьбы жених с невестой получали благословение родителей и отправлялись в церковь, где проходил торжественный обряд, как правило, при стечении большого количества народа, в том числе и посторонних лиц. По возвращении из церкви молодых благословляли родители жениха, всех усаживали за стол и начинался свадебный пир, в ходе которого новобрачным преподносили подарки. Свадебный стол накрывали и на второй день в доме молодого мужа, а на третий день переезжали к родителям молодой жены. Приходить на свадьбу могли все желающие. Свадьбы играли после Пасхи до начала полевых работ. У южнорусских крестьян этот период падал на осень после уборки урожая. Свадебные расходы зависели от достатка в семье, при этом семье жениха свадьба обходилась в два раза дороже, чем семье невесты [2, с. 106–109].

При завершении жизненного цикла человека духовно-нравственная традиция воплощалась в похоронной обрядности. По многовековым поверьям о смерти свидетельствовали различные знамения: собака на дворе начинает выть, петух не вовремя распоеется, птица в дом залетит и др.

Кончину представляли как отделение души от тела, момент которого определяли, установив чашку с водой у изголовья умиравшего: когда душа выходит из тела вода должна всколыхнуться. Далее следовало омовение и одевание покойника в новую одежду, связывание ему рук и ног, закрытие глаз медными монетами. Его переносили на лавку у стены ногами к выходу. Тут же происходило и всенощное бдение родных и близких.

Гроб изготавливали из грубо отесанных досок. Ритуал помещения в него тела предусматривал развязывание рук и ног, обувание в недоплетенные лапти, укладывание незавершенных умершим поделок, обрезков ткани, оставшихся от шитья погребальной одежды, стружек от гробовых досок, медных монет и хлеба. Иногда тело посыпалось зернами ржи. Повсеместно запрещалось произносить имя покойника.

На кладбище чаще всего шли окольным путем, а возвращались обычным, памятуя о том, что дорога в мир мертвых не должна совпадать с дорогой в мире живых. Вербки, на которых опускали в могилу гроб с

телом, оставляли на кладбище, подвесив их не ветках дерева [2, с. 184–187].

Перед ритуальной трапезой происходило умывание присутствующих чтобы смыть следы контактов с миром умерших. На поминки не приглашали молодежь, гостей, ограничивались близкими родственниками. Готовили поминальные блюда: недопеченный хлеб, кутью, кисель. В дальнейшем погребальный обряд предусматривал поминки на 3-й, 9-й, 40-й дни. Кроме них были и поминальные даты, связанные с Церковным календарем. На этом завершалась обрядность финальной части жизненного цикла человека [19, с. 101]. Однако «с умершим не прощались в привычном нам понимании, поскольку усопшие предки составляли единую сакральную общину с живущими» [20, с. 104].

Заключение

Таким образом, тысячелетний период следования духовно-нравственным традициям, воплотившимся в христианской и языческой обрядности, наглядно демонстрирует их роль в развитии межличностных отношений в русской семье, воспитании ее членов. Это особенно заметно в обрядах, ритуалах, иных символических формах поведения людей, связанных с самыми значимыми элементами жизненного цикла человека, касавшимися его рождения, бракосочетания и смерти. Многие из духовно-нравственных традиций русского народа почитаются и соблюдаются в настоящее время.

Список источников

1. Шарухин А. П. История образования: периодизация и тенденции развития / А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(78). С. 229–233.
2. Лещенко В. Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999. 398 с.
3. Бутов С. В. Нравственность и право: проблемные вопросы взаимодействия в современном правовом пространстве // Актуальные проблемы частного права (к 100-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук Ю. М. Аристакова): сборник статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 24 октября 2025 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 40–45.
4. Иллюстрированная история религии: в 2 т. Т. 2. Издательский отдел Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигального монастыря, 1992. 526 с.
5. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор – координатор – академик РАН Осипов. Г. В. М. : ИНФРА. 1998. 488 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. 435 с.
7. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., Л. : 1947. 348 с.
8. Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. проф. О. А. Яновского. М. : Эксмо, 2008. 592 с.
9. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы в XVI–XIX столетиях великорусского народа. М., 1992. 304 с.
10. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. I. СПб., 1879. 756 с.
11. Домострой. М., 1990. 304 с.
12. Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. 284 с.
13. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. 2-е изд. СПб., 1880. 150 с.
14. Попов Г. И. Русская народная медицина. СПб., 1903. 404 с.
15. Харузина В. М. Несколько слов о родильных, крестильных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2 (кн. 48–49).
16. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1995. 640 с.
17. Ефименко А. Исследования народной жизни. Обычное право. Вып. 1. М., 1884. 398 с.
18. Якушкин Е. И. Обычное право. Вып. 2. Ярославль, 1896. 544 с.
19. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 237 с.

20. Захарцев С. И. Ментальность народа и правовое развитие государства / С. И. Захарцев, Д. В. Кривоносова, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2024. № 1(35). С. 100–115.

References

1. SHaruhin A. P. History of Education: Periodization and Development Trends / A. P. SHaruhin, T. G. SHaruhina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2018;2(78): 229–233. (In Russ).
2. Leshchenko V. YU. Sem'ya i russkoe pravoslavie (XI–XIX vv.). SPb., 1999. 398 s. (In Russ).
3. Butov S. V. Nravstvennost' i pravo: problemnye voprosy vzaimodejstviya v sovremennom pravovom prostranstve // Aktual'nye problemy chastnogo prava (k 100-letiyu zaslužennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, professora, doktora yuridicheskikh nauk YU. M. Aristakova): sbornik statej po materialam mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2025 goda. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. S. 40–45. (In Russ).
4. Illyustirovannaya istoriya religii: v 2 t. T. 2. Izdatel'skij otдел Spasopreobrazhenskogo Valaamskogo Stavropigal'nogo monastyrya, 1992. 526 s. (In Russ).
5. Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' na russkom, anglijskom, nemeckom, francuzskom i cheshskom yazykah. Redaktor – koordinator – akademik RAN Osipov G. V. M. : INFRA, 1998. 488 s. (In Russ).
6. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1: Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. 435 s. (In Russ).
7. Romanov B. A. Lyudi i nrawy Drevnej Rusi. M., L. : 1947. 348 s. (In Russ).
8. Vseobshchaya istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVIII veka / pod red. prof. O. A. YAnovskogo. M. : Eksmo, 2008. 592 s. (In Russ).
9. Kostomarov N. I. Domashnyaya zhizn' i nrawy v XVI–XIX stoletiyah velikorusskogo naroda. M., 1992. 304 s. (In Russ).
10. Dal' V. I. Poslovicey russkogo naroda: v 2 t. T. I. SPb., 1879. 756 s.
11. Domostroj. M., 1990. 304 s. (In Russ).
12. Berdnikov I. S. Kratkij kurs cerkovnogo prava. Kazan', 1888. 284 s. (In Russ).
13. Dal' V. I. O pover'yah, sueveriyah i predrassudkah russkogo naroda. 2-e izd. SPb., 1880. 150 s. (In Russ).
14. Popov G. I. Russkaya narodnaya medicina. SPb., 1903. 404 s. (In Russ).
15. Haruzina V. M. A few words about childbirth, baptism, and childcare in the Pudozhsky District of the Olonets Governorate // Etnograficheskoe obozrenie. 1906;1–2 (kn. 48–49). (In Russ).
16. Vladimirkij-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. Rostov n/D: Izd-vo «Feniks», 1995. 640 s. (In Russ).
17. Efimenko A. Issledovaniya narodnoj zhizni. Obychnoe pravo. Vyp. 1. M., 1884. 398 s. (In Russ).
18. YAkushkin E. I. Obychnoe pravo. Vyp. 2. YAroslavl', 1896. 544 s. (In Russ).
19. Bajburin A. K. Ritual v tradicionnoj kul'ture: strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov. SPb. : Nauka, 1993. 237 s. (In Russ).
20. Zaharcev S. I. The Mentality of the People and the Legal Development of the State / S. I. Zakhartsev, D. V. Krivonosova, and V. P. Salnikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;1(35): 100–115. (In Russ).

Информация об авторе

С. Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Статья поступила в редакцию 15.01.2026;
одобрена после рецензирования 03.05.2025;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the author

S. G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

The article was submitted 15.01.2026;
approved after reviewing 03.05.2025;
accepted for publication 18.06.2026.